

Сарчин Рамиль Шавкетович

**ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИРИКИ ФАТИХА КАРИМА ПЕРИОДА
"НАЧАЛЬНОЙ ПЕСНИ" (КОНЦА 20-Х - 1930-ГО ГГ.)**

В статье на примере анализа ранних стихов Фатиха Карима, вошедших в его первую поэтическую книгу "Начальная песня", рассматриваются их художественно-эстетические особенности, среди которых выделяются идеализация действительности, романтическая идеализация и гиперболизация образа лирического героя и "положительных" персонажей, романтический пейзаж, предельная экспрессивность поэтической речи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 165-168. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Подводя итоги анализа наиболее художественно состоятельных произведений Фатиха Карима, созданных в ранний период творчества, каковыми нам представляются стихотворения «Урамнан», «Бакчачы кызлар» и «Гармун турында» – этапные на пути обретения поэтом своего лирического голоса, можно утверждать, что его художественный вкус, чутьё, мастерство всё более совершенствуются, причём движение идёт в сторону «сердечности», лирической сокровенности, выражения теплоты и естественности человеческого чувства.

Список литературы

1. **Галимуллин Ф. Г.** Атмосфера 20-30 гг. и Фатих Карим // Фатих Карим – поэт и воин: мат-лы межрегиональной науч.-практ. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения Фатыха Карима (19 мая 2009 г.). Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2009. С. 6-15.
2. **Карим Ф.** Избранные стихи и поэмы / пер. с татар.; под ред. С. Липкина. Казань: Таткнигоиздат, 1957. 220 с.
3. **Кәрим Ф.** Әсәрләр: 3 т. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1979. 1 нче том. Шигырьләр. 318 б. (Карим Ф. Произведения: в 3-х т. Казань: Татарское книжное изд-во, 1979. Т. 1. Стихотворения. 318 с.)
4. **Мәжитов З. М.** Фатих Кәрим: Тормыш һәм ижат юлы турында очерк. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. 177 б. (Мазитов З. М. Фатих Карим: очерк жизненного и творческого пути. Казань: Татар. кн. изд-во, 1963. 177 с.)
5. **Сарчин Р. Ш.** Истоки лирики Роберта Миннуллина: к вопросу о формировании художественного мира поэта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18). Ч. 1. С. 172-175.
6. **Сарчин Р. Ш.** Музыкально-песенные мотивы в татарской поэзии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29). Ч. 1. С. 143-145.
7. **Сарчин Р. Ш.** «Поэтические» истоки творчества Фатиха Карима [Электронный ресурс] // Концепт. 2014. Приложение 20. «Современные научные исследования. Выпуск 2». URL: <http://e-koncept.ru/2014/54266.htm> (дата обращения: 17.12.2014).

**HEADING TOWARD FINDING THE LYRIC VOICE:
POEMS BY FATIKH KARIM “УРАМНАН” (“ALONG THE STREET”),
“БАКЧАЧЫ КЫЗЛАР” (“MARKET GARDENER”), “ГАРМУН ТУРЫНДА” (“ABOUT ACCORDION”)**

Sarchin Ramil' Shavketovich, Ph. D. in Philology
Kazan
rsarchin@yandex.ru

In the article, because of the necessity of the system-holistic research of Fatikh Karim's creative work, the analysis of his lyrics of the end of 20s – 1930s is conducted – in the period when the lyric voice of the poet was being developed. Their studying shows that the process of the creative evolution of the artist had a tendency to express “live” human feeling and the lyric secrecy.

Key words and phrases: the Tatar poetry of the end of 20-30s of the XX century; creative development; creative evolution; lyrics; lyric; lyricism.

УДК 82.0

Филологические науки

В статье на примере анализа ранних стихов Фатиха Карима, вошедших в его первую поэтическую книгу «Начальная песня», рассматриваются их художественно-эстетические особенности, среди которых выделяются идеализация действительности, романтическая идеализация и гиперболизация образа лирического героя и «положительных» персонажей, романтический пейзаж, предельная экспрессивность поэтической речи.

Ключевые слова и фразы: лирика; традиция; романтизм; идеал; идеализация; романтический герой; романтический пейзаж; гиперболизация; художественное пространство.

Сарчин Рамиль Шавкетович, к. филол. н.
г. Казань
rsarchin@yandex.ru

**ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИРИКИ ФАТИХА КАРИМА
ПЕРИОДА «НАЧАЛЬНОЙ ПЕСНИ» (КОНЦА 20-Х – 1930-ГО ГГ.)[©]**

В основе эстетического идеала большого корпуса произведений Фатиха Карима, написанных им в период творческого становления – до времени ареста поэта в 1938 году, лежит принцип идеализации действительности, согласно которой он творил свою художественную реальность. А формироваться этот принцип начал уже в годы раннего творчества – в стихотворениях, составивших первую поэтическую книгу Фатиха Карима «Башлангыч жыр» («Начальная песня»), изданную на яналифе в 1931 году [2].

Открывает книгу стихотворение «Безнең һэйкэл» («Наш памятник»), названное З. М. Мазитовым «творческой программой» лирики молодого поэта [4, б. 14]. Каковы же художественные слагаемые этой программы?

Стихотворение посвящено труду – одной из ключевых тем как творчества Фатиха Карима в конце 20 – начала 30-х годов, так и в целом в отечественной поэзии этих лет. «В лирике этой эпохи мотив труда – главная особенность изображения», – пишут авторы «Истории татарской литературы» [6, б. 111]. Вот и стихотворение «Безнең һэйкэл» призвано прославить труд как высшую ценность, символическим выражением идеалистической сущности которой здесь является монументальный образ памятника. Оно исполнено в одически-маршевых интонациях. В них отчетливо слышится живое биение юного сердца, полного безмерного счастья, веры в светлое будущее, в исполнение надежд, ожидания чего-то лучшего. В нём нет места ни сомнению, ни горестям, ни тоске, что объясняется как общим позитивным духом той «строительной» эпохи и романтически-возвышенной поэзии тех лет, так и вполне естественно психологически мотивируется свойственным молодости оптимизмом.

Сердце молодого человека бьётся в гордости оттого, что он шагает в рядах комсомола. Как один из членов многоликого Коммунистического интернационала молодёжи (международной молодёжной организации, секции международного объединения коммунистических партии различных стран, действовавшей в 1919-1943 гг.) и, видимо, в силу этой своей «международной», «общечеловеческой» сути, образ лирического героя стихотворения гиперболизируется, обретая характеристики романтического героя. На него, получившего, словно лирический герой в произведениях М. Ю. Лермонтова, право вести речь от имени целого поколения, возложена ответственность за его судьбу.

В облике всего это поколения, «борющегося» с горой, есть что-то романтически-донкихотовское. Кстати, образ горы, являющийся одним из типических образов западноевропейского и отечественного романтизма, в этом смысле совсем не случаен, как и образы ветров, полей и вулканов, лёгших в основу психологического и антитетичного параллелизма, зачинающего стихотворение и с самого его начала «романтизирующего» образ лирического героя, по силе равного этим ветрам, веющим в безбрежных пространствах, а по «жару» превосходящего даже вулканы.

Стихотворение «Безнең һэйкэл» – одно из немногих, удостоенных внимания поэтов-переводчиков. Тому, что ранняя лирика Фатиха Карима оказалась мало представленной в переводах, есть простое объяснение: она во многом творчески незрела, художественно несостоятельна, проникнута «сквозным» публицистическим пафосом, обнажённой призывностью общественно-политического характера, настолько превалирующими в произведении, что стихи только этим и оказываются мотивированы. Примером этому может служить стихотворение «Бирегез Гаррины!» («Отдайте Гарри!»).

При «лепке» заглавного образа здесь поэт обращается к облюбованному принципу романтизации, основанному на возвышении и гиперболизации героя, что в последующем вообще станет типологической особенностью портрета «положительного» человека в творчестве Фатиха Карима.

Напротив, при создании образа «отрицательного», «врага», перо поэта отнюдь не избегает реалистического, вплоть до натурализма, изображения. Кроме строк о «жирной спине» «миллионера» в переводе Р. Морана яркую иллюстрацию этого находим в первоисточнике: «Эх, буржуйның // Черек теше // Айзманны тели чэйнарға [3, б. 224]. / Эх, буржуя // Гнилой зуб // Хочет грызть Айзмана»¹. Так, посредством противопоставления романтического – натуралистического выражается в данном случае тема классовой борьбы угнетённых с поработителями, «советских людей» с «империалистами», являющаяся лейтмотивом творчества Фатиха Карима конца 20-х – начала 30-х годов. В художественном отношении такая антитеза оказывается малопродуктивной, поскольку связана лишь с функцией социально-политического заказа, чем обусловлена её схематичность. То же самое можно наблюдать в стихотворении «Закон», где антитеза выражает противопоставление жизни советских граждан жизни в США: *Анда кризис, // бездә үсү, // Тик бер генә моньң жавабы – // Закон: // Алар – үләр өчен, // ә без жиңәр өчен // Авыр көрәшләрдә янабыз [Ibidem, б. 227]. / Там кризис, // у нас рост, // Этому лишь один ответ – // Закон: // Они – для смерти, // а мы ради победы // Горим в тяжёлой борьбе. Столь же схематичен и приём композиционного «кольца» в стихотворении «Яшьләр көне» («День молодёжи»), созданном на ту же «интернациональную» тему борьбы в 1930 году. Ничем, конечно же, кроме как страстным желанием молодого поэта завершить произведение как можно «ударнее», эффектнее, подобные «кольца», как, впрочем, и многие другие используемые им в стихах приёмы и средства «повторительного» ряда (будь то рефрены, анафоры, звукопись и др.), не мотивированы. Стало быть, налицо их риторический, декларативно-пафосный характер, имеющий мало общего с художественностью. Таковы «издержки» юности и поры ученичества, когда тема по отношению к творцу во многом остаётся «внешней», а истинная, глубоко личная тема, выражающая боли его души и отражающая изгибы судьбы, пока ещё в ней не находит воплощения.*

Стихотворения, по своей социально-политической направленности и публицистической пафосности подобные «Безнең һэйкэл», «Бирегез Гаррины!» и «Яшьләр көне», составляют основной объём написанного поэтом в 1927-1930-е гг. Все они созданы на волне юношеского оптимизма. В них так и плещет через края страсть, задор, энтузиазм, которыми охвачено сердце как лирического героя, так и всех «положительных» в большинстве своём персонажей: *Дәртләр таиы // тагын, // Тагын да; Йөрәк түзми, // Түзми... Ашкына [Ibidem, б. 199-200]... / Страсти кипят // ещё // и ещё; Сердце не терпит, // Не терпит... Горит желанием... Их душевные движения характеризуются абсолютной верой в происходящие в стране события, в индустриальные стройки, строительство социализма. Это – люди будущего: *Кузең янсын, // кара еракка [Ibidem, б. 208]... /**

¹ Здесь и далее построчные переводы стихотворений поэта выполнены нами.

Пусть горят глаза твои, // Гляди вдаль... Их отличает физическая мощь, красота и ладность тела, как героиню стихотворения «Соңгы матурлык» («Поздняя красота»): *Күрәсезме: // Колачын канат итеп, // Гәйкәл кебек, күкрәк киреп, // Сикергечтә тора спортчы кыз, // Өстен бронзадан киенеп; Беләге таза аның, // Күкрәге киң, // Карашында сизелә батырлык, // Шушы инде – // Әжир шарында // Рекорд алган соңгы матурлык* [Ibidem, б. 209-210]. / Видите: // Раскинув руки, как крылья, // Словно знамя, развернув грудь, // На трамплине стоит спортсменка, // <Будто> одетая в бронзу; Руки её крепки, // Грудь широка, // Во взгляде чувствуется героизм, // Это же – на земном шаре // Установившая рекорд высшая красота. Они, как и следует романтическим героям, «всечеловечны», «планетарны» по своим масштабам, как, например, Астроном в стихотворении «Жир күзләре» («Глаза Земли»), перед взором которого выстроились звёзды и планеты, и даже «воинственному» Марсу некуда деться. Эти люди так «сильны», что по способности управлять космосом, творить миры уподоблены богам: *Жирең ярысада // Курыкмаслар, // Тотып ямарлар, // Туар еллар өчен // Марс тормышыннан // Алар башлап роман язларлар* [Ibidem, б. 202]. / Даже если Земля даст трещину, // Не испугаются, // зашьют, // Для рождения будущего // Из жизни Марса // Они наново напишут роман. И ничего удивительного в этом нет, ведь они дети великого преобразования – революции.

Для реализации нечеловеческих по масштабам преобразовательных планов таким героям требуются соответствующие «пространства», чем обусловлено обращение поэта к образам романтической лирики: морю, шторму, буре, горам, «небесным» образам облаков, солнца, звёзд и др. В ряде случаев они обретают символическое звучание, как, например, образ ветра в стихотворении «Шлем жырлары» (дословно «Песни шлема»), веющего волнами Времени. Или же образ солнца, становящийся символом «нового» времени и «нового» поколения тружеников: *Гасырларча, // Көнне-төнне белми, // Кояш эшли, // Кояш әйләнә* [Ibidem, б. 212]... / Вековечно, // Не зная дня и ночи, // Солнце работает, // Солнце вращается... В связи с этими строками вспоминается фантазмагорическое «Необычайное приключение...» (1929) Владимира Маяковского, написанное девятью годами раньше стихотворения о солнце Фатиха Карима, которое можно рассматривать в качестве истока не только этого образа, но и вообще принципа романтического символизма и одически-маршевых ритмов ранней лирики татарского поэта. Не случайно же упоминание имени Маяковского в финале стихотворения «Кул кысышып» («Сжимаемая рука») [Ibidem, б. 226].

Возвращаясь к пейзажу периода «Начальной песни», отметим, что, даже если он порой, казалось бы, реалистичен, всё равно решается поэтом в традициях романтизма – в экспрессивно-гиперболических тонах – под стать героям стихотворений, которые сами словно порождения этой природы: *Көч аңкыган тулы, төз гәүдәсен // Бөек рәссам мәллә ясаган? – Юк, // Идел суы белән кояш нуры // Матурлыкны тудыра яңадан* [Ibidem, б. 209]. / Полный мощи, стройный стан (*пловчихи – Р. С.*) // Великий художник, что ли, нарисовал? – // – Нет, // Воды Волги вместе с солнечным лучом // Снова рождают красоту.

Не ускользает от взгляда внимание поэта к лелеемому эпохой романтизма мотиву унизчества, в связи с чем напомним хотя бы о классических примерах «узников» А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Используемые поэтами-романтиками в основном в значении «уз жизни» для передачи душевного томления, в том числе творческого и любовного, мотив унизчества и образ тюрьмы являлись выразителями внутреннего состояния, психологии лирического героя. В ранней же лирике Фатиха Карима они носят «реалистический», «внешний» характер, возникая в стихах о революционерах, об узниках-борцах за свободу трудящихся, как, например, в стихотворении «Ялкынлы хат» («Германия комсомольнинан») («Пламенное письмо (из жизни комсомола Германии)», 1928), где поэт вновь прибегает к «ролевой» форме повествования, ведя речь от лица персонажа: *Төрмә тәрәзәсе, // Башым куюм, // Жил сагынган – // чәчем тудыра, // Төрмә салкын* [Ibidem, б. 203]... / Окно тюрьмы, // Склоняю голову, // Ветер соскучился – // ворошит мне волосы, // Тюрьма холодная... Но удивительный факт: мотив унизчества в этих и других стихотворениях рассматриваемого периода словно предвещает судьбу поэта в 1937-41-е и логику развития его творчества в те годы. Читая строки *Мин ялгызмы? // Белгим... // Күрше камерада // Мин уйлаган кеше торамы, // Кайгы урнына, // көләр очен // Минем кебек уйлар корамы* [Ibidem]? / Один ли я? // Не знаю... // В соседней камере // Находится ли человек, о котором я думаю, // Вместо скорби, // чтобы развеселить себя, // Как я, размышляет ли? Невольно ловишь себя на мысли: не десятилетием ли позже написаны поэтом эти строки и не посвящены ли они Кави Наджми, сидевшему в это время рядом с ним, или отбывавшему срок спустя годы Хасану Туфану.

Необходимо отметить, что уже в ранних стихотворениях Фатиха Карима наблюдается характерное для его творчества обращение к фольклорным традициям. Так, нередки у него упоминания о песне, уходящей корнями в народно-песенное творчество. Она возникает то в названии стихотворений «Шлем жырлары», «Гармун турында» («О гармонии»), то в отдельных строках: *Көрәшчеләр каберен әйләнәп чык, // Матәм көе әжырлап уеңнан* [Ibidem, б. 207] / Обойди захоронения бойцов, // Напевая про себя траурную мелодию, то в виде частушечных вставок *Гармун турында*. Но пока ещё, как и многие отмеченные элементы поэтики автора, встречающиеся в его раннем творчестве, по преимуществу песня органично не связана с течением поэтической мысли, естественно не обусловлена ею.

Тем не менее, подводя итоги анализа стихотворений начального периода творчества Фатиха Карима, следует отметить, что при всём художественном несовершенстве ранних стихотворений поэта, обусловленных часто «социально-идеологическими» задачами, они содержали в себе «зёрна» его самобытного таланта, которые в будущем приведут творца к творческим открытиям. Пока же его поэтический талант зреет на романтической почве – со всеми присущими ей свойствами, среди которых: идеализация действительности, идеализация и гиперболизация образов лирического героя и других «положительных» («наших») героев, ориентация, под стать им, на романтический пейзаж, предельная эмоциональность, экспрессивность поэтической речи.

Список литературы

1. **Карим Ф.** Избранные стихи и поэмы / пер. с татар.; под ред. С. Липкина. Казань: Таткнигоиздат, 1957. 220 с.
2. **Karim F.** Başlangıç ғы. Qazan: Tatgosizdat, 1931. 80 b. (Карим Ф. Начальная песня. Казань: Татгосиздат, 1931. 80 с.)
3. **Кәрим Ф.** Әсәрләр. 3 томда, 1 нче том. Шигырьләр. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1979. 318 б. (Карим Ф. Произведения: в 3-х т. Казань: Татарское книжное издательство, 1979. Том 1. Стихотворения. 318 с.)
4. **Мәжитов З. М.** Фатих Кәрим: Тормыш һәм ижат юлы турында очерк. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. 177 б. (Мазитов З. М. Фатих Карим: очерк жизненного и творческого пути. Казань: Татар. кн. издат., 1963. 177 с.)
5. **Сарчин Р. Ш.** «Поэтические» истоки творчества Фатиха Карима [Электронный ресурс] // Концепт. 2014. Современные научные исследования. Выпуск 2. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54266.htm> (дата обращения: 17.12.2014).
6. **Татар әдәбияты тарихы:** алты томда / редкол. Н. Г. Юзиев, Н. Ш. Хисамов (жаваплы редакторлар), Г. М. Халитов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Т. 4: Татар совет әдәбияты (1917-1941). 568 б. (История татарской литературы: в 6-ти т. / редкол. Н. Г. Юзиев, Н. Ш. Хисамов (ответственные редакторы), Г. М. Халитов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. Т. 4: Татарская советская литература (1917-1941). 568 с.)

**ARTISTIC AND ESTHETIC PECULIARITIES OF FATIKH KARIM'S LYRICS
OF THE PERIOD OF THE "INITIAL SONG" (END OF THE 1920S AND IN 1930)**

Sarchin Ramil' Shavketovich, Ph. D. in Philology

Kazan

rsarchin@yandex.ru

The article by the example of the analysis of the early poems by Fatikh Karim included in his first poetical book "Initial song" examines their artistic and esthetic peculiarities among which the author identifies idealization of the reality, romantic idealization and hyberbolization of an image of a lyrical hero and "positive" personages, romantic landscape, extreme expressivity of the poetical speech.

Key words and phrases: lyrics; tradition; romanticism; ideal; idealization; romantic hero; romantic landscape; hyberbolization; artistic space.

УДК 398.2; 82-252; 82-343.4

Филологические науки

В статье проанализированы классические русские драматические сказки 1930-1940-х гг. в свете концепций, созданных фольклористами В. Я. Проппом и Е. М. Мелетинским. Рассмотрено, каким образом в этих сказках нашли выражение и переосмысление структурные элементы поэтики волшебной сказки, выделенные и описанные в трудах названных ученых. Выявлены особенности индивидуального стиля авторов, обусловившие трансформацию традиционно-сказочных героев и сюжетных ситуаций в их произведениях.

Ключевые слова и фразы: русская драматическая сказка; волшебная народная сказка; Е. Л. Шварц; Т. Г. Габбе; С. Я. Маршак; В. Я. Пропп; Е. М. Мелетинский.

Сафуанова Альфия Ильдаровна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

alfia_safuanova@mail.ru

**РУССКАЯ ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА 1930-1940-Х ГГ.
В СВЕТЕ ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В. Я. ПРОППА И Е. М. МЕЛЕТинСКОГО[©]**

Известно, что литературная сказка и такая ее разновидность, как драматическая сказка, восходят к волшебной народной сказке. Безусловно, поэтику литературной сказки определяет авторская позиция. Именно авторское начало организует ее структуру. Поэтому применение сравнительно-типологических моделей В. Я. Проппа и Е. М. Мелетинского, созданных на основе изучения фольклорной сказки, для анализа литературной сказки XX в. может вызвать возражения. Однако генетическое и типологическое родство литературной сказки с народной представляется несомненным. По мнению ряда исследователей, литературная сказка, в том числе драматическая, отличается сильной «памятью жанра» [1, с. 142] (термин М. М. Бахтина), которая в значительной степени проявляется в ее поэтике, в том числе в таких ее аспектах, как сюжет, хронотоп, система героев и т.д. Этим обусловлена традиция рассматривать поэтику драматической сказки XX в. с учетом опыта исследований фольклорной волшебной сказки, особенно в вопросах анализа системы героев. В свете вышесказанного нам представляется, что структурно-типологическая модель волшебной народной сказки, разработанная В. Я. Проппом, а также типология протагонистов волшебной народной сказки, созданная Е. М. Мелетинским, продуктивны не только применительно к фольклорной сказке, но и к литературной, в частности, драматической сказке XX в., использующей художественные открытия современной литературы и театра.